

другие — по-восточнорусски, одни окали, другие акали, причем высшие классы употребляли, как кажется, севернорусское наречие... Между тем чернь в значительной части была восточнорусская» [1, с. 13]. Р. И. Аванесов упоминал еще и о культурном неравенстве между окальщиками и акальщиками [2, с. 154]. В. Н. считал, что «культурного и социально-экономического превосходства окальщиков над акальщиками не было»², и сомневался, что так вообще бывает.

В. А. Богородицкий помимо политических причин, обусловивших определяющую роль московского говора в истории русского литературного языка, называл и собственно языковую: по его мнению, «московское наречие явилось наиболее умеренным по своим фонетическим особенностям, представляя как бы средний звуковой тип между русскими диалектами...» [3, с. 312]. В. Н. считал, что роль Москвы в формировании литературного произношения определялась исключительно внеязыковыми причинами: «средний звуковой тип» московского говора продиктован исторически сложившимися условиями и географическим положением Москвы. До XVI в. говор Москвы представлял собой типичный северный говор, в котором не отмечалось южных черт — признаков аканья и др. Преобразование этого северного говора произошло в течение относительно короткого периода на рубеже XVI—XVII вв. В результате внутренней политики Ивана Грозного значительная часть территорий вокруг Москвы обезлюдела, да и в самой Москве население поредело: число окальщиков заметно сократилось. Затем сюда стали стекаться акальщики. Их количество увеличилось по сравнению с предшествующей эпохой. Это и определило развитие в Москве умеренного аканья, так как принцип аканья проще принципа оканья: не различать в произношении О и А (вода — трава) проще, чем различать. Казалось бы, возможно только одно направление эволюции фонетической системы — от оканья к аканью. Но если бы Москва, будучи столицей, находилась не на границе с акающими говорами, а где-нибудь в гуще северных говоров, то вполне вероятно, что литературным считалось бы окающее произношение, чоканье или цоканье, а аканье — диалектным.

Отводя Москве, а не Петербургу определяющую роль в формировании литературного произношения, В. Н. ссылался на то, что старомосковское произношение опиралось на живую речь «московских просвирен», в то время как Петербург не имел никакой диалектной основы. Если в Петербург Штольцы и Адуевы съезжались отовсюду, то московская интеллигенция в большинстве своем состояла из коренных москвичей: Грановский, Огарев, Станкевич, Ключевский выросли в Москве и прожили всю жизнь рядом с Московским университетом. В отличие от Москвы Петербург, имея пестрое по составу население, не мог задавать тон в образовании литературного произношения. Для выработки единой орфоэпии он должен был сам искать опору вне своей языковой среды и находил ее в произношении второй столицы — Москвы, а также в ориентации на книжную речь.

Существующие объяснения причин распространения иканья в Москве В. Н. не удовлетворяли. Он не принимал точку зрения Л. В. Щербы. «Теперь, — писал Л. В. Щерба, — когда дирижерская палочка перешла к Москве, куда „икальцы“ стекаются в большом количестве, Е литературного языка начинает подвергаться большой опасности...» [4, с. 129]. В. Н. считал, что процесс перехода еканья в иканье начался именно в Москве и узкой полосе среднерусских говоров вокруг Москвы, поэтому икальцам неоткуда было стекаться в большом количестве.

Нередко лингвистические источники, по которым можно представить процесс формирования литературного произношения, давали диаметрально противоположные сведения о той или иной фонетической черте. Например, С. Волконский [5, с. 55] рекомендовал мягкость звука Ц для слов типа *апелляционный*, а Л. В. Щерба [6, с. 172] помимо этого и для таких собственных имен, как *Цюрих*, *Песталоцци*, *Цяловский*, в то время как Д. Н. Ушаков [7, с. 16]

² Это замечание В. Н. и другие, заключенные в кавычки, которые будут встречаться в статье далее, сделаны им на полях моей работы.